

В театре Комедии имени Николая Павловича Акимова народный артист России Валерий Ефремович Никитенко дал интервью Ивану Сабилу и Татьяне Лестевой.

Иван Сабил: – Валерий Ефремович, 2019 год Указом Президента объявлен Годом Театра в России. Что он означает?

Валерий Никитенко: – Это внимание власти к тому, что во все времена любил наш народ. Театр всегда – при советской власти, во всяком случае – был важной не только художественной, но и идеологической составляющей. К сожалению, сейчас нашу власть это не слишком интересует. Мы никак не можем принять Закон о Культуре, Закон о Театре. Конечно, новое время определяет новые тенденции, и никак нам с ними не справиться. Приведу лишь факт, когда в не столь давние времена гастроли театров проходили по всему Советскому Союзу. Как это было важно! Мы приезжали, например, в Ташкент, Чимкент, Баку, Новосибирск... Киев... Как видите, на Киеве я запнулся. Потому что Киев – моя особая боль. Я окончил Киевский театральный институт в 1961 году – это были четыре года в удивительном городе, очень красивом. И моя юность и молодость – там... Так вот гастроли были потрясающей культурной частью как нашей жизни, так и жизни страны. Повсюду ждали гастролей, ждали москвичей, ленинградцев, представителей других театров страны. Это был настоящий праздник, огромное событие для городов, где мы бывали. Давались не только спектакли, про-

ходили встречи со зрителями, на которых велись разговоры об искусстве, о драматургии, об исполнительском мастерстве артистов.

Сейчас в жизнь театра ворвалась антреприза с её дикими коммерческими законами. Но театр – не тот товар, который приобретается для ежедневного обихода. Это товар тонкий, художественный, и нуждается в контроле. Только следует понять, как это сделать. Зритель у нас порой видит такое!.. Мы часто слышим: пришла свобода, можно всё!.. Но свобода – это осознанная необходимость, а не разгул. Сейчас даже репертуарные театры лишены контроля и варятся в собственном соку. Только у себя в театре решается, хороша та или иная постановка. И, как говорится, «зритель голосует ногами», что не всегда правильно. «Зритель голосует ногами», когда происходит вообще что-то невозможное. А так он тихонько покинет зал в антракте, оденется, и больше мы его не увидим.

И Год Театра, как я понимаю, нужен для того, чтобы в государстве он играл не только развлекательную роль, но, если хотите, идеологическую. Потому что далеко не последнее дело Театра – воспитание личности, гражданина. Театр – это умное, эмоциональное воздействие на публику. Если нужно что-то узнать, проникнуть в суть события или предмета, не обязательно идти в театр. Достаточно прослушать лекцию хорошего преподавателя, доцента. А вот для того, чтобы в твоём сердце случилось что-то особенное, что-то тронуло тебя, и заставило кого-то пожалеть, а за кого-то порадоваться, – тогда театр.

И.С. – Меняется ли что-то в театре в Год Театра?

В.Н. – Об этом можно будет сказать только в конце года. Сейчас каких-то перемен я не вижу, да их и нет.

И.С. – Несколько лет назад был в России «Год литературы» – ничего не поменялось. Ни в издательском деле, ни в деле распространения книги, ни в оплате писательского труда. Творческие Союзы, как вся наша Культура, по сути, отделены от государства. Значит ли это, что владыка Рынок и дальше будет диктовать свои законы Искусству?

В.Н. – Здесь беда. Технологический прогресс сделал всё так, что эти тёплые, бумажные издания вытесняются бездушными гаджетами. Книжки дают совсем другое ощущение твоей грамотности. Грамотности! Ведь нынче масса людей безграмотных. Одно время я согласился преподавать студентам и вскоре отказался, потому что, приходя к ним, сталкивался с ужасающими вещами – многие не знают, кто такой Лермонтов. Вот что мы сделали с образованием.

И.С. – Превратили в руины.

В.Н. – Между тем в Англии сейчас решили перейти на советскую систему образования, потому что она действительно глубокая, многоуровневая, дающая знания. Но вернёмся к году театра. Слов нет, театрам нужны смотры, нужны фестивали. Но им должна быть государственная поддержка. Это не частная лавочка... Но несколько слов об антрепризе. Не могу сказать, что абсолютно всё там плохо. Но плохо то, что многое совсем ушло от государства. Когда-то был общегородской худсовет, и какие-то вещи, которые выходили за рамки вкуса и меры, отслеживались и пресекались. Сегодня, что хочешь, твори и выпускай на сцену. Только не удивляйся, если у тебя в зале окажется мало зрителей.

Татьяна Лестева: – Или, наоборот больше, если постараться в угоду этой публике – любительнице жёлтой прессы.

В.Н. – Да, да! Она не очень разбирается в том, что хорошо. Сегодня опущены, даже размыты многие критерии. А держать высоким уровень театрального искусства, особенно в таком городе, как Петербург, совсем не просто... Культурная столица, – говорим мы, – а культуру не бережём. Там немного упустили, здесь чуть-чуть не дотянули. «Ой! А где же это всё?!.. Ребята, это же всё произошло как раз потому, что...АЙ!.. Живём: день прошёл, и ладно». Вот это ужасная вещь. Отход от профессионализма приводит к непоправимому.

Т.Л. – Остался художественный совет в театре?

В.Н. – У нас практически нет. Как правило, сейчас в театрах единовластие режиссёра или художественного руководителя. В разных театрах по-разному, но художественного совета нет. В лучшем случае, художественный руководитель может иногда посоветоваться с группой артистов, которой он доверяет. Но и это бывает не часто.

И.С. – Вы родились на Украине, в городе Овруче в 1940 году. Тут война, жертвы, страдания. Как складывалась ваша жизнь? Как вы искали свой путь?

В.Н. – Каждая семья, почти каждая семья пострадала от войны. Отец был военным лётчиком. Я родился в Житомирской области потому, что там стоял его полк. Был у меня старший брат Леонид. Началась война. Отец улетел в Прибалтику, а нас с мамой эвакуировали на Урал, в город Чкалов – ныне Оренбург. Вскоре отец пропал без вести. Мама не переставала его ждать. После войны вернулись на Украину, потому что в Винницкой области, в Калиновке, жили две мамы родные сестры. Там я пошёл в шко-

лу, там и закончил её. Это в 250 километрах от Киева. Мой брат, Леонид Ефремович, на восемь лет старше меня. Стал генералом и рано ушёл из жизни, в 58 лет. А наша мама – великая женщина. Звали её Анастасия Ивановна. В её положении спасти двоих детей и дать им высшее образование – не каждому по силам. Брат учился в Одессе в Институте инженеров морского флота. А я в Киеве, в театральном институте. Мама так и осталась одна. Всю жизнь она ждала папу. Вот это «пропал без вести» поразительно размыто. Всё кажется: «А вдруг?.. А вдруг?!..» Но «вдруг» так и не произошло. Такая история. И мама для меня всё. Практически она заменила мне отца. Конечно, и брат, он для меня был – как свет в окошке.

Т.Л. – В школе с чего вы начали? Самодеятельность была?

В.Н. – Была, но я пел ещё до школы. Вообще говоря, я даже не представлял себе, что такое театр. В Калиновке театра не было. Лишь однажды нас целым классом вывезли в Винницу, где мы видели очень странный спектакль про князя Святослава, который мне пришёлся по душе. Что-то яркое, необычное... Но основное – это чёрная тарелка-репродуктор. И такие песни звучали – это, знаете, прямо в сердце. И до сих пор. Мама устроилась работать в столовую воинской части. В Калиновке стоял авиаполк, его бойцы только что прилетели с войны. Я часто подходил к столовой и ждал маму. Офицеры выходили из столовой и чем-нибудь меня угощали. И такая дружба у нас возникла. Я понимал, почему. Я уже тогда пел «Смуглянку», «Тёмную ночь», другие военные песни. А тут им приказ – улетать. Мне этого никогда не забыть. Они говорят маме: – «Анастасия Ивановна, пусть Валерик побудет с нами этот вечер, мы завтра покидаем вас». Я сидел у них на почётном месте за столом и пел. Я видел, как некоторые из них смахивали слезу. И только потом, позже понял, как они воспринимали мои песни. Для них это был не просто концерт, не просто мальчишка, который поёт, это было возвращение в мирную жизнь... Когда пришла мама, они попросили, чтобы я побыл с ними ещё немного. И только где-то за полночь командир проводил меня домой. Как же мне было горько, что они улетают.

А я продолжал выступать в школьной самодеятельности. По всему Советскому Союзу тогда пошли Олимпиады школьников.. Выявляли наиболее способных, заботились о талантах... И в Театральный институт я поступил петь. Всю жизнь мне везло на людей.

Т.Л. – Легко было поступить в Театральный?

В.Н. – Сдавал туда экзамены, совершенно упустив, что есть ещё второй тур. Выучил отрывок из прозы, басню и стихотворение, а надо было ещё монолог из пьесы к тому же, на украинском языке. Быстро выучил какой-то отрывок, где брат должен топором убить брата. И я, худой, страшный, в очках и с топором перед комиссией. Хохот был редкостный. Кто это?!.. Что это?!.. И поставили тройку. За смелость. Такой вот случай. Вообще, случай в жизни человека – неотъемлемый феномен. В театре особенно... Нас оказалась восемь с тройками. Нам сказали, что объявят дополнительный набор, и если придут те, кто лучше нас, то вы нас тогда извините. Из доп. набора взяли только четверых. И нужно было ещё четверых из нашей восьмёрки, но таких, кому не нужно место в общежитии. Я, радостно: – «Мне не нужно, у меня тётя в Киеве!» И когда пришёл домой, на Владимирскую, она там жила, – сказал: «Тётя Саша, благодаря вам, я стал артистом, или буду артистом».

И.С. – В школе были учителя, которые способствовали вашему становлению? Или девочки, которые особенно...

В.Н. – По литературе очень хорошая была учительница – Клара Максимовна Измайлова – замечательный русский, интеллигентный человек. Она удивительно преподавала и влюбила меня в литературу. Не просто как в предмет, а как в *человековедение*. А девочки? Девочки иногда восхищались моим пением. А для становления было радио! Я почему так люблю радио, даже сейчас? Не только потому, что все лучшие песни я узнавал из него. Часто здесь, в Ленинграде, я работал на радио буквально с первых дней жизни в великом городе. Дом радио был мне родным домом. Здесь цикловые передачи, радиоспектакли, и многое, многое другое, чего сейчас, к сожалению, нет.

И.С. – Кино тоже влияло?

Н.В. – Да, советское кино тех лет... На днях показывали картину «Дорогой мой человек». Потрясающее искусство! Как они играют! Вспоминаю чью-то гениальную фразу: «В старых советских фильмах актёры играют всё лучше и лучше». Мне по душе: «Баллада о солдате», «Летят журавли» «Чистое небо» и пободные фильмы... А какие комедии! Особенно на фоне того, что сейчас... Прекрасные были картины!

Т.Л. – По классу какого педагога вы учились?

В.Н. – Мастером курса был Иван Иванович Симоненко, мудрый и чуткий Он же – зам. министра культуры Украины. Ему было важно воспитать в нас личностное. В нашем вузе была, как я сейчас понимаю, не столь глубокая творческая школа, но

хорошая школа воспитания человека. Я имею в виду, что такой глубинной, профессиональной школы, как в русской театральной школе, на Украине не было. И, честно говоря, я уже со второго курса понимал, что должен работать в русском театре. Украинский театр – он больше этнографический, нравописательный. Очень трудно играть, например, Шекспира в переводе на украинский язык. Получается большое несоответствие, когда Гамлет говорит: «Эй, хлопцы, пейшлы ». Это же не в поле пошли ребята жать пшеницу. Конечно, там есть своё, удивительно вкусное, традиционное, сохраняющее народные корни. Всё так, но, честно говоря, для этого нужно быть национально одарённым человеком. И там учились такие ребята, на них приятно и радостно было смотреть. А я не был таким. Поэтому, как только окончил институт, поехал в Симферополь, в Крымский русский драматический театр имени Горького. И так сложилась моя судьба, что через год театр отправился на гастроли в Ленинград.

И.С. – Об этом у вас очень хорошо написано в Вашей книге «В апреле у Акимова».

В.Н. – Так что не буду пересказывать. История такова, что, когда я сюда приехал, боялся даже подойти к театру, обожал его издали. Я много читал о Николае Павловиче Акимове, о его театре. Он ведь особенный. Не только в Ленинграде, но и во всём Союзе был особенным. Во-первых, эта большая буква «**К**» – театр, ставящий только комедии. Во-вторых, сам Акимов – яркий, парадоксальный, которого обвиняли в формализме, который старался вобрать в себя что-то европейское, вместе с тем оставаясь глубоко советским человеком. Какой полемист! Как он говорил! Уже потом, читая его статьи, я понимал, что он не просто незаурядный человек, но человек выдающийся. Личность!

И.С. – И что в нём было особенного? Обаяние? Зрение?

В.Н. – Прежде всего, природное дарование, какое-то удивительное проникновение в человека. Буквально через несколько минут общения он точно понимал, кто перед ним. Он поразительно чувствовал людей. Он замечательный театральный художник. Он даже не столько режиссёр, сколько художник и психолог. Он, как никто другой, не только понимал атмосферу театра, но и создавал её. И, конечно, потрясающее чувство юмора. И парадоксальность, когда он соединял, казалось бы, несоединимое.

Как художник, он любил занавес. Когда раздвигался занавес, раздавались аплодисменты. Уже в самом оформлении спектакля была изюминка. Сегодня в театрах этого нет. Сегодня открытая

сцена – приходишь, смотришь, привыкаешь... А вот удивление от того, что ты увидел в первое мгновение, к сожалению, из театра ушло.

Т.Л. – Но часто юмор его был с таким сарказмом!

В.Н. – Безусловно. Он человек острой иронии. Иронист! И полемист! Ему неинтересно, когда всё спокойно, когда нет борьбы. Борьба! Победить! Причём, совершенно неожиданным способом. Тогда интересно. Тогда жизнь!

Т.Л. – У него была ещё одна черта: когда кончался спектакль, он часто выходил вместе со зрителями и прислушивался к отзывам.

В.Н. – Более того, он вмешивался в разговор, интересовался, что понравилось в спектакле, а что нет. Сегодня просто невозможно представить себе режиссёра, который будет опрашивать зрителей сразу после представления.

И.С. – Об этом тоже в вашей книге. И не только о театре, но и о городе.

В.Н. – Более всего меня поразила сам город. Я для себя так сформулировал, что в Ленинграде, если у тебя есть какие-то человеческие основы, ты не можешь быть плохим человеком. И, уж совершенно точно, не можешь быть *бескультурным* человеком. Ленинградец! Поразительное слово. Оно вмещает в себя интеллигентность, человечность, умение видеть людей и уважать их. Но мы видим, что многое из этого уже в прошлом.

И.С. – Во время войны, когда многие ленинградцы были эвакуированы из блокадного города в восточные районы Советского Союза, жители тех мест отмечали высокий уровень культуры приезжих. Их сдержанность, простоту в общении, уровень знаний и готовность поделиться тем, что они имеют.

В.Н. – Безусловно. Здесь сам город не позволяет тебе не соответствовать его традициям. Это в том случае, если ты открыт ему, если чувствуешь его. К сожалению, сегодня слишком много *не чувствующих*... Вот эта коммерция, этот золотой телец, что ворвались в нашу жизнь, и многое изменили. В советское время не было такого, тогда люди жили несколько другим. Крен на понижение культуры в обществе повлиял и на театр, – он же пребывает не в замкнутом пространстве, он часть нашей жизни. 90-е годы нанесли много вреда культуре. И не только ей.

И.С. – И вот Вы в Ленинграде, работаете в театре. Первые впечатления, первые роли... А лирическая сторона? Ваша жена, ваша любовь на протяжении более полувека.

В.Н. – Наша встреча состоялась в Симферополе, в театре. Светлана – травести, играла мальчиков и девочек. Я – из Калининки, она – с Дальнего Востока, из Благовещенска. Тут и настигла нас любовь. Удивительная жизнь!.. Светлана очень переживала за меня, чтобы Акимов взял в театр. Когда это произошло, и гастролы кончились, мы вернулись в Симферополь. Я собрал вещички. А у нас тогда были только отношения, ничего больше. По дороге в Ленинград я заехал к маме, чтобы повидаться и рассказать ей, что со мною происходит. Светлана провожала меня на самолёт, мне этого не забыть. Тогда была такая мода – юбки плиссе. И на ней голубая юбка. И когда мы взлетели, я увидел голубое пятнышко, – сердце забилося. И думаю, неужели это теперь навсегда? Побыл у мамы и опять в Ленинград. Здесь я был с театром в августе, стояло лето – тепло, солнечно. А тут – какой-то ужас, небо заволокли тучи, бесконечная морось, я один. Снимаю угол у пожилой женщины, которая весь мир ненавидит и меня в том числе. И что, куда, как? Ведь это всё должно сложиться. К декабрю разобрался в своих чувствах. Звоню Светлане: «Я люблю тебя, приезжай!».

Встречал её на Московском вокзале. Приехала она с матрасом, потому что у меня ничего не было. Поскитались мы по углам, а потом Николай Павлович выхлопотал нам жильё. Он очень хорошо ко мне отнёсся. И роли давал совершенно неожиданные. Но, к моему ужасу, ушёл из жизни через шесть лет. Шесть лет было неповторимого счастья. Он понимал наше положение, наши трудности: Светлана без работы, мы без прописки. Но вскоре всё поменялось – она устроилась в Ленконцерт, и в 1965 году мы поженились.

И.С. – Акимов не приглашал в театр Светлану Евгеньевну?

В.Н. – После того, как мы ему показали, он мне сказал: «Знаете, она хорошая артистка, но зачем вам вместе быть здесь, в одном театре? Как минимум, это громоздко». Удивительные слова. Мы тогда решили со Светланой показаться в ТЮЗе. Надо, чтобы она работала, иначе, я понимал, может случиться непоправимое – она лишится профессии.

И.С. – В ТЮЗе тогда был Зиновий Корогодский?

В.Н. – Да. И мы показали. Он сказал: «Беру вас вместе». Мы, радостные, окрылённые, летим домой. Строим планы. Я прихожу к Акимову и говорю: «Николай Павлович, поймите нас, разве может быть по-другому, если так получилось?». «Что ж, понимаю, – сказал он, – хотя мне жаль». И вот иду к Корогодскому,

чтобы работать. А он мне: «Я вас не могу взять». Я ему: «Зиновий Яковлевич, как же так? Мы же вам, вроде, понравились?» А он: «Обстоятельства изменились». И Светлану не взял. Потом выяснилось: Акимов поговорил с Корогодским. И когда я вернулся к Акимову, он развёл руками: «Вот видите, как бывает». И тогда я понял, что он это всё и устроил.

Светлана отлично работала в Ленконцерте почти сорок лет, ездила на гастроли. У нас родилась замечательная дочка, окончила медицинский институт, по специальности онколог. Главное в её профессии – не только лечить, но и сопереживать, умение сопереживать. А со Светланой мы всё время вместе, помогаем друг другу. Вообще, жизнь короткая штука. Но сколько же в ней нюансов и неожиданностей! И, наверное, по-настоящему понять, что такое любовь в самом высоком смысле этого слова и отличить её от страсти можно, только прожив с человеком два-три десятка лет. Сейчас у нас двое внуков. Что может быть лучше?!

И.С. – Не миновали и вас профессиональные трудности?

В.Н. – А как же! Каждая новая роль – новый стресс, потому что думаешь: получится – не получится? Первый выход на сцену – тоже стресс. Я всё полагал: десять-двадцать лет проработаешь, и будет легко. Но нет. До конца жизни бьёт тебя дрожь перед премьерой. Зато потом, когда уже сыграл несколько спектаклей, можешь получать удовольствие. Только сейчас, сыграв 15 спектаклей «Сказок старого Арбата», начинаю по-настоящему чувствовать свою роль и получать от неё удовольствие.

И.С. – Недавно я смотрел этот спектакль с Вами в главной роли. Прекрасное представление! Актёры, а их было всего шесть, тронули моё сердце. Возникло чувство, что я побывал в доме у близких мне, родных людей. И вспомнил слова из вашей книги, где вы говорите, что театр – это дом на всю жизнь. А если говорить о подготовке к выходу на сцену, это ж как нужно знать роль, чтобы на протяжении всего спектакля помнить её... Однажды моя жена ехала из Ленинграда в Москву в одном купе с Антониной

В. Никитенко и Юрий Лазарев.
«Сказки старого Арбата»

В. Никитенко и Е. Кузьмина. «Сказки старого Арбата»

Шурановой. Вечером ложилась – она учила роль. Утром проснулась – она учит.

В.Н. – Бывает и так. Но у каждого актёра, как правило, свои способы и свои методы запоминания. Лично я, к счастью, как-то интуитивно одарён природой и мамой. Уже в тот момент, когда мы ещё только разбираем пьесу за столом, текст сам ложится в меня. То есть я специально не зубрю, я его запоминаю «физикой» вместе со словами. Уже за столом ты должен знать практически весь текст и не выходить на площадку не готовым. Для меня это неприемлемо, хотя многие держат тетрадки в руках и часто взглядывают туда. Почти до 80-ти дожил, сбоев не было. Хотя приходилось иногда играть, не то, что нелюбимые, но «необходимые» вещи. Театр в этом смысле требует жертв. Сейчас я уже могу иногда сказать: простите, но, если можно, я этого играть не буду. Я уже имею право на себя. А по молодости – вперёд и выше! Приходилось играть и по двадцать пять спектаклей в месяц. Там нас отличала закалка и неизрасходованный запас сил. Потому – и тяжёлая операция на связках. Но это то, что идёт рядом с профессией. У спортсмена рвутся связки на ногах, а у нас здесь.

Т.Л. – Сколько ролей вы всего сыграли?

В.Н. – Где-то более 110. В театре считают.

И.С. – Вы ведь и в кино снимались?

В.Н. – Да, знаковая роль – Сказочник в «Снежной королеве» Геннадия Казанцева. Потом было несколько небольших ролей и очень много кинопроб, даже на роль Рублёва у Тарковского. Но главным в жизни был театр. Конечно, было радио, телевидение. Там собирались *лучшие актёрские силы* со всего Ленинграда. А

какие радиоспектакли! Сейчас ничего этого не стало. Не странно ли? А всё – коммерциализация.

И.С. – Можем ли мы провести сравнительную характеристику спектаклей, что были при советах и сейчас? Что-то изменилось?

В.Н. – Конечно! Пришла неограниченная свобода выбора. А тогда... Как пример, спектакль «Тёркин-Тёркин» – один из самых замечательных спектаклей, поставленных Петром Фоменко у нас в театре. В нём он соединил «большого Тёркина» Твардовского с «Тёркиным на том свете». Он сделал поразительную инсценировку. Ведь что в «большом Тёркине»? Вот закончится война, вот вернёмся домой. Нас встретят... Но мы знаем, что вернулись герои, а встретили их далеко не так, как следует. Для нас это была очень дорогая вещь. И её восемь раз принимали! Наконец, разрешили. А сыграли мы всего пять спектаклей. И запретили. Я помню, сам Фоменко исполнял роль автора: в шинели, со свечой, классно было сделано. А я играл друга Тёркина, который попадает на тот свет. Для меня это была самая необычная роль. Я всегда играл весёлых, озорных героев, а тут надо было крайне просто, без каких-либо эмоций... Фоменко тогда отметил, что для меня это был важный этап. Таких ролей из моих 110 было, может быть, два десятка. А всё остальное – вперёд и выше! Поэтому, прежде всего, свобода, а с этим было сложно.

Но и сейчас что? Сейчас мы ностальгируем, что нет никакого контроля. Что такое театр в жизни общества? Если «развлекалово» и добыча денег, тогда – пожалуйста, делайте, что угодно. Но если он – часть культурного и художественного воспитания общества, тогда совсем другое. Никак не определимся.

И.С. – Отличаются ли качеством современные спектакли?

В.Н. – Здесь своя проблема – дефицит личностей. Отчего так? Театр всегда олицетворяется лидером, художественным талантом лидера, его человеческой сущностью. Время, а точнее, безвременье привело к тому, что мы не наблюдаем рождения личностей. Их не выведешь, как в инкубаторе. Сама жизнь или рождает личность, или нет. Когда мы посмотрим на карту театрального мира того времени, увидим ряд имён, которые на своих плечах несли тяжкое бремя забот: Любимов, Товстоногов, Акимов, Завадский, Вивьен, Владимиров... Это же всё громадины, личности! А нынешнее время? Вот, например, Юрий Бутусов. Я не понимаю, а точнее, никак не могу принять его театр. Мне непонятно, почему Гамлета в «Гамлете» должна играть девушка. Или ещё пример, Убейте

меня, но я не могу понять, почему в «Женитьбе» всё происходит на катке, все действующие лица катаются на коньках. А критики пишут: «Гоголь был бы восхищён». Почему Гоголь должен быть восхищён? Откуда вы это знаете? Поэтому, когда человек желает дивиться театром через сердце, через ощущение высоких мыслей, не облакая их в какой-то кроссворд, а пытаюсь полностью выразить автора до самой глубины, тогда это театр. А иначе что? Аргумент, что, мол, такого никогда не было! Так и хочется сказать: Не было – и не надо! Ведь все великие были настоящими фанатиками театра, они клали на алтарь театра всего себя.

Т.Л. – И зачастую свою голову.

В.Н. – Да. Но сегодня, когда руководители театра *зарабатывают*, начинается иная история. Убейте меня, но я убеждён, что театр не для заработков. Вот поп-певец – это понятно. Не зря же мои педагоги говорили: если думаешь только о деньгах, уходи сразу. Отсюда и должно всё танцеваться. А ведь большинство ребят, которые нынче приходят в театральный вуз, стремятся как можно скорее стать звёздами, сняться в сериалах, зарабатывать больше денег. Но это не тот путь, если хочешь служить Театру. Не путь Артиста.

И.С. – Вчера, когда я своей дочке сказал, что иду брать интервью, спросил, какой вопрос она бы задала народному артисту. Она сказала: «Чтобы стать народным артистом, достаточно таланта или нужно что-то ещё?».

В.Н. – О-о! Эти звания, награды – всё это очень непростая история.

Т.Л. – Как говорил классик: «Чины людьми даются, а люди могут обмануться».

В.Н. Вот именно! В этой фразе, пожалуй, сама суть. Тут и власти наши оригинальные: то они давали почётные звания всем подряд, особенно это видно по нашей эстраде, то почти совсем прекратили. Сейчас *дозированно* дают. Звание народного артиста – это высочайшее звание, здесь нужны чёткие и незыблемые критерии. А для артиста важно чувствовать себя нужным, как я говорю об этом в «Сказках старого Арбата». И для зрителя важно. А если кто-то получает высокое звание, и все вокруг понимают, что ему это никак не принадлежит, то грош цена такому званию. И совсем беда, если он сам этого не понимает.

И.С. – Есть ли произведения современных авторов, сравнимые по своим художественным достоинствам с классикой или их нет? Или есть, но по каким-то причинам их не ставят?

В.Н. – Их нет. Пока. А то, что есть, либо чернуха, либо желание выделиться... нет, выделАться. Потому что, например, сегодняшняя линия БДТ, при всём моём уважении к экспериментаторству и к такому мыслящему человеку, как Андрей Могучий, – это не линия БДТ. Ему дали театр с другими традициями, с иным подходом к материалу... Не знаю, кому-то, может быть, нравится то, что он внедряет на сцене: театр нахваливают, он получает Золотые маски. Но мне это не близко.

Т.Л. – Товстоногов писал, что у режиссёра не может быть учеников.

В.Н. – Да, с этим нужно родиться. Это – как талант: либо он есть, либо нет.

И.С. – Легко ли складывались ваши отношения с режиссёрами?

В.Н. – По-разному. Вот у нас в театре 25 лет художественным руководителем Татьяна Казакова. Ты понимаешь все её достоинства и недостатки. И ты, как это часто бывает в семье, недостатки пропускаешь, а достоинства приветствуешь. А когда начинается работа над спектаклем, многое меняется. Всё должно рождаться в любви и радости, и если близкий контакт не устанавливается, тогда тяжело. И тогда совсем не факт, что спектакль будет долго жить и нравиться людям. Вместе со спектаклем мы выносим и наши взаимоотношения, и наши представления о жизни. Всё это формирует атмосферу спектакля, которая потом через рампу перетекает в зал вместе с автором и материалом. Если этого не происходит, спектакль не будет долго жить. Ибо нет в нём атмосферы любви, добра и человеческого понимания. Иногда надо идти на компромисс: да, где-то не сходится, что-то не так, как тебе хочется, но роль нравится, и ты идёшь. И тогда рождается радость от самого процесса – боже мой, а за это ещё и зарплата полагается! Поэтому каждый случай глубоко индивидуален. И очень многое зависит от режиссёра, который не только должен вскопать почву для будущего урожая, но и понять артистов, что они за люди. Как подойти к одному или к другому... Я поставил несколько спектаклей и через это прошёл. И, честно говоря, как-то выходило, что мы с артистом понимали друг друга. И радовались друг другу. Исключения тоже бывали, правда, очень редко. Может, один-два случая. Но мне никогда не приходилось принимать волевых решений: когда принимаются такие решения, на пользу делу это не идёт.

Т.Л. – А между Акимовым и Казаковой, кого вы можете вспомнить из режиссёров?

В.Н. – Фоменко, Фоменко! Дивный человек, интересно было с ним работать. Теперь можно долго рассуждать о том, почему он получил театр и почему у него не получилось. На мой взгляд, главное в том, что всё-таки он московский человек. Московский двор – его душа. И когда он набрал ребят и с ними вернулся в Москву, то это были уже люди, близкие ему по духу. А здесь, когда его назначили к нам главным режиссёром после Акимова, уже была принята масса случайных людей... Когда в БДТ пришёл Товстоногов, он тут же уволил 8 человек. И всем стало понятно: «ОПА! Здесь не шутят!». Пётр Фоменко не мог на это решиться и никогда бы не решился. И потому столкнулся с непреодолимыми трудностями. Он был блистателен на репетициях. Им можно было любоваться. Человек – театр! Но ему нужны были люди, которые разделяли бы его представления о Театре. А их-то, к сожалению, не оказалось.

И.С. – Смотрите ли вы спектакли в других театрах?

В.Н. – В последнее время не часто. Боюсь. Лучше книгу почи-таю, или посмотрю какую-нибудь старую постановку. Мне ведь не 18 лет. Может быть, молодым интересны всякие шоу и технологические украшения. Настоящий театр – это человек. И для человека. Именно здесь прямой смысл и назначение театра.

Т.Л. – А перформанс?

В.Н. – *Это не для меня!* У меня сразу по телу сыпь. Потому что перформанс – это почти всегда исполнение с неприемлемыми для меня отклонениями.

Т.Л. – За свою творческую жизнь кого из ваших коллег вы можете отметить?

В.Н. – Их немало. Вот в нашем театре был потрясающе одарённый Александр Давыдович Бениаминов. Исключительный человек, который всю блокаду провёл в Ленинграде. Театр отправляют в эвакуацию, Бениаминов остаётся, умерла жена. Акимов подошёл к нему, спросил, почему он не летит? Александр Давыдович в ответ: «Трудно объяснить. Но я не могу лететь, не могу оставить город». И Акимов сказал: «Когда мы вернёмся, Вы обязательно приходите, продолжим работу». Такой диалог он приводит в своей книге «Артист без грима». В то страшное время Бениаминов создал фронтовой театр миниатюр, и с ним дал около трёх тысяч концертов. Он был любимцем на передовой, на полях сражений. Я видел несколько его блистательных ролей. О них я вспоминаю в своей книге. И труппа тех лет была чудесная. А в кино, в «Кубанских казаках» я был влюблён в Сергея Лукьянова. В филь-

ме «Государственный преступник» мы с ним вместе снимались. Он – красивый, обаятельный – играл предателя. Его специально взяли на эту роль. Как мощно он это делал. Настоящий артист! А по жизни я любил Александра Демьяненко, юного, талантливого и мучившегося тем, как неправильно его используют. После «Шурика» он себе места не находил – это ампула на всю жизнь. Сыграл он несколько ролей и в театре, но был всё-таки киноартистом. Театру нужен особый голос, а с этим у него были проблемы.

Театр, театр... Целая жизнь в нём, вся моя судьба. И, конечно, мои друзья по капустникам, остроумные, светлые. Сейчас капустники, разумеется, не те. И всё-таки хорошо, что они есть, что сохраняется традиция. Она глубокая, человеческая. Наши капустники посвящаются артистам-юбилярам. Отработал в театре 10 лет – заслужил первое поздравление. Потом всякий раз через каждые пять лет. Готовит капустник и поздравления почти весь коллектив. И всё это весело, в прозе, в стихах...

И.С. – В своей книге вы приводите некоторые «образцы» стихотворных поздравлений. В посвящении главному администратору театра З. Бахраху есть такие строчки (на мелодию Ю. Хайта «Марш авиаторов»):

*Он не Иван, и он совсем не Грозный,
А потому Казань не покорил.
Как Бонапарт, сурово и серьёзно,
С Москвой Бахрах разделиться решил...*

Т.Л. – Есть ли в других театрах такая традиция?

В.Н. – Нет, только у нас. Это изюминка Николая Акимова. Потому она столь берегаема и нам дорога.

Т.Л. – Из молодых, которые сейчас приходят в театр, кого можно назвать?

В.Н. – Разная молодёжь. Вот есть у нас Евгения Светлая – просто бриллиант, она будет настоящей актрисой. Сыграла «Золушку», сыграла в спектакле «Нью-Йорк. Любовь. Вуди Аллен». Перспективные, хорошие артисты Александр Матвеев, Денис Зайцев, Виталий Куклин, Александр Корнеев.

И.С. – Мне пришло в душу Елизавета Кузьмина. Я видел её с Вами в спектаклях «Голодранцы и аристократы» и «Сказки старого Арбата». Достоянная работа.

В.Н. – Замечательная актриса! У неё богатый внутренний мир, который она совершенствует и бережёт.

Т.Л. – Может быть, несколько слов о творческих планах?

В.Н. – Пожить ещё немного. И поставить что-нибудь. Но сейчас как-то не складывается. В театре я поставил только один спектакль – «Виновник торжества». Это ещё в 90-е годы. Шёл он с большим успехом, многие до сих пор вспоминают. Мечтаю поставить весёлый, озорной водевиль, который выявил бы все прелести актёрского мастерства, с песнями, танцами – настоящий жанр комедии. Теперь же радуется, что идут у нас «Сказки старого Арбата» – вещь для меня почти автобиографическая. В ней слова и поступки человека, который достиг преклонного возраста. Это спектакль о жизни и доброте, о человеческом предназначении. Ещё о глубинном понимании бытия, о том, что сегодня слишком быстро и, может быть, безвозвратно из нас уходит трепетное чувство прекрасного. И в героине – Виктоше, в этой девочке, и во взаимоотношениях героев спектакля есть редкостная чистота, благородство, которое столь необходимо нам для того, чтобы жить дальше.

Т.Л. – И мне понравилась эта пьеса. Много лет назад я посмотрела её в Александринском театре.

В.Н. – Да, с Юрием Толубеевым и Бруно Фрейндлихом. Тогда я на спектакле не был, но сейчас посмотрел. Слава богу, сохранился в записи.

Т.Л. – Отличаются постановки?

В.Н. – Да, существенно. Прежде всего, в самом подходе. У нашего режиссёра – Валерия Саркисова – мастер кукол Фёдор Кузьмич и его подручный Христофор – большие любители «Битлз». Отсюда и соответствующее оформление, и музыка. А для меня это неважно. Важно душевное состояние. И переживания человека, который подводит итоги жизни. У меня была операция на сердце два года назад. Возможно, ещё и поэтому я так люблю «Сказки старого Арбата».

Т.Л. – Премьеры предстоят вам в этом сезоне?

В.Н. – Недавно мы выпустили премьеру «Энергичных людей» Василия Шукшина, и это было по-настоящему интересно. В новом сезоне готовимся отметить 90-летие нашего театра. Думаем, как это сделать. Хочется, чтобы и коллектив театра, и сам город почувствовал грядущее событие не просто как отчёт городу, а как осознание того, что это именно нам 90 лет. И это у нас только начало, потому что вся наша главная жизнь впереди!

И.С. – Какой, на ваш взгляд, вопрос, или какие вопросы мы вам сегодня не задали? Что мы забыли спросить у народного артиста?

В.Н. – Вы ничего не спросили про хобби. Я увлекаюсь командными спортивными играми. С юности играл в баскетбол и футбол. И, конечно, для меня не безразличен «Зенит». Опять-таки время многое поменяло не в лучшую сторону. К нам явился профессионализм в «западном» смысле этого слова. И по-другому теперь просто никак. Мы – часть планеты и вынуждены принимать правила, по которым играют все. Особенности переживания вызвал во мне так называемый допинг-скандал. Как жить нам в этой ситуации? Кто мы такие? Что такое Россия? Мы по-своему интересны и отличаемся от многих и многих. Почему наши особенности раздражают других? И почему для них так важно, чтобы мы стали такими, как они? Вот это непонятно. В конце концов, принимайте нас *такими*, какие мы есть. Тем более, что кое-чему им следует у нас поучиться. Как и нам у них. Да, взаимопроникновение, но только уважительно и корректно. А вы боитесь нас, наших просторов, нашей самостоятельности. И завидуете нашим богатствам.

Т.Л. – При нашей бедности.

В.Н. – Да. И эти потрясения, которые сопровождают всё время Россию. Вот всё, чем я живу. Спорт меня отвлекает, помогает справиться с тем или иным недугом.

Т.Л. – Добивались вы каких-то успехов в спорте?

В.Н. – В баскетбольной команде Театрального института, где мы заняли третье место на первенстве Украины. В Ленинград на соревнования ездили.

Т.Л. – Последний вопрос. Чем кончится эпопея с Украиной?

В.Н. – *Непростой вопрос.* Мы настолько недооценили крена Украины и Белоруссии на «незалежность», что многое упустили. Особенно в отношении Украины, в которой тихо сидели корни национализма. Но они там были всегда и теперь получили шанс к росту. Определённые силы этим шансом воспользовались. Выравнять положение архисложно. И что теперь? Донбасс никогда не вернётся в Украину. Никогда. После того, что он пережил и переживает, о возврате не может быть и речи. О Крыме даже говорить не хочу, он навсегда вернулся в Россию. Трудно? Дорого? Ничего, переживём... А тут ещё последние выборы... Все понимают: Зеленский – не вариант. Нет личности. Посмотрите на Европу. Что такое Макрон? Что такое Мэй? Нет такого, как де Голль, который мог отказать американцам в их стремлении всем диктовать свою волю. И даже вывел Францию из военной организации НАТО. А кто такой Зеленский? Думаю, что дома близкие ему говорят: «Во-

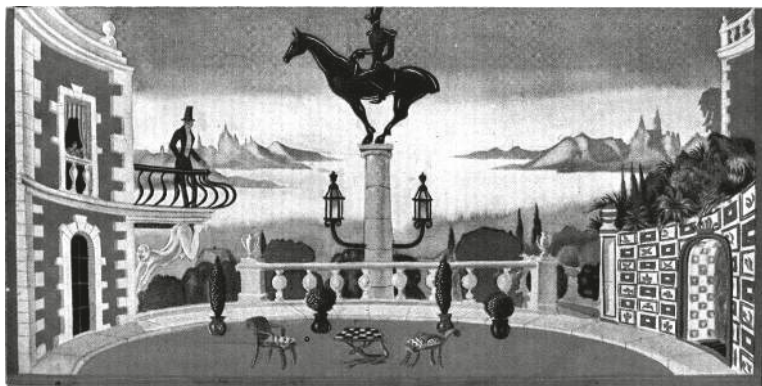
лодя, зачем тебе это надо?». Как артист, он, наверное, решал так: «А, давай поиграем! такое приключение!..». Это приключение ещё не раз выйдет стране боком. У меня, к сожалению, совсем не светлые по этому поводу мысли, и позитивного я не жду... Там столько хороших людей, там у меня столько друзей, столько могил... Мамина могила... Последний раз я там был в 2013 году. В 2014-м уже не поехал. У меня там друг в театре Леси Украинки, мой однокурсник, народный артист Украины. Звонит мне по скайпу с Украины. Я не задеваю эту тему, и он мне ни слова. НИ СЛОВА! О чём угодно говорим, но не про то, о чём думаем. Потому что есть, конечно, риск. Всё, что связано с Россией, ничего у сегодняшней украинской власти, кроме ненависти, не вызывает. Как это преодолеть? Не знаю.

И.С. – Большое спасибо, Валерий Ефремович, за откровенный разговор.

Т.Л. – Оставляем надежду на то, что осенью встретимся с Вами на юбилейном творческом вечере, посвящённом 90-летию одного из лучших театров страны – Санкт-Петербургского театра Комедии имени Николая Павловича Акимова.

В.Н. – В этот вечер мы обязательно сыграем «Тень» Евгения Шварца. Этот спектакль Татьяны Казаковой – четвёртая постановка пьесы. Первая – акимовская – была в 1940 году, когда я родился. В трёх последующих я участвовал и дорос до Первого Министра. Этот спектакль – наша визитная карточка. Наша «Чайка».

Санкт-Петербург. Июнь 2019 года

Эскиз декорации Н.П. Акимова ко 2-ому акту спектакля «Тень».